Гормон счастья и прочие глупости

Автор:
Екатерина Вильмонт

Гормон счастья и прочие глупости

Екатерина Николаевна Вильмонт

Надоело все до чертиков!

Престижная работа, собственная привлекательная внешность, любимый жених…

Судьба дает ей шанс изменить все: вляпаться в авантюру, поменять имидж, потерять голову от любви и, наконец, почувствовать себя счастливой!

Екатерина Вильмонт

Гормон счастья и прочие глупости

* * *

В один прекрасный день я вдруг поняла, что смертельно надоела сама себе. Надоели темные волосы, строгая прическа, голубые глаза, надоела родинка на щеке и ямочка на подбородке, надоело каждое утро тащиться на работу, видеть там всех, надоело держать мобильник всегда включенным, надоело одеваться как «деловая женщина» и вообще надоело все, кроме Польки. Полька – это моя дочь. А еще мне уже заранее надоела предстоящая через два месяца свадьба… Моя собственная. Надоела квартира, надоела машина – все надоело. Вообще! И что с этим делать? Ну, в принципе, можно отремонтировать квартиру, поменять

прическу, купить контактные линзы другого цвета, новую машину, отменить, к чертям, свадьбу… Но от себя-то не убежишь… Только зря потратишь деньги, время, силы и потеряешь хорошую работу. И жениха. В моем возрасте такие женихи на дороге не валяются, тем более что этого жениха одобряет даже Полина, а это само по себе уже достойно уважительного отношения. Так как же быть? Удавиться?

Но тем не менее я собрала волосы в привычный пучок, надела один из деловых костюмов, туфли на каблуках. Хорошо еще, сейчас не лето, когда в жарищу приходится надевать колготки. В нашем департаменте нельзя появляться с голыми ногами, и в брюках тоже нельзя. Однажды я решила схитрить и надела вместо колготок чулки на резинках. Чулки были чудо как хороши, но это кончилось плачевно. Во время важных переговоров, когда нас было только трое – шеф, иностранный партнер и я в качестве переводчицы, – я вдруг ощутила, что проклятый чулок сползает с ноги. Я сразу сбилась, запнулась, к немалому удивлению шефа, – такого со мной обычно не бывает… Я, конечно, взяла себя в руки, но после переговоров нам предстоял еще обед в ресторане, и времени на то, чтобы переодеться – запасные колготки всегда лежат у меня в столе, – не предвиделось. Я покрылась холодным потом.

– Вам нехорошо, Бронислава? – спросил шеф с таким явным неудовольствием, что я предпочла сказать:

– Извините, Владимир Никитич, колготки поехали.

Он покраснел от злости, но я не растерялась:

– Вы когда взмахнули рукой с сигаретой…

– Что? – уже побагровел он.

– Искорка попала на ногу! Можно мне пойти переодеться?

– Разумеется, и поживее! – хмыкнул он, видимо моя храбрость ему понравилась.

Держа через юбку проклятый чулок, я похромала к себе в отдел.

– Брошка, что с тобой? – воскликнул мой коллега и приятель Вася.

– Не смей называть меня Брошкой! – привычно огрызнулась я, выхватила колготки, предварительно сорвав с себя окаянные чулки, чем несказанно удивила Васю и Светлану. Но мне было не до приличий.

Больше я чулки не ношу. Хватит с меня. Уж лучше париться в колготках! Хотя жаль, это красиво и сексуально. Мои коллеги утверждают, что с ними такого никогда не случалось. Лилька, например, носит чулки на резинках всегда, даже в самые лютые морозы, и хоть бы хны. А мне с первого раза не повезло. К чему это я? Ах да, я себе надоела. Это отвратительное ощущение преследовало меня целый день как косточки в лифчике, хотя я уже давно не ношу лифчиков с косточками. Именно потому и не ношу, что раздражают. К вечеру это достигло такой силы, что я решила хоть что-то поменять. Самым простым и наименее разорительным способом, пожалуй, будет покупка новой помады. Я давно хотела купить себе ярко-красную. Может, станет полегче? Но не стало.

– Мам, ты что, спятила? – встретила меня Полька.

– Почему?

– Что за цвет? Жуть какая-то. Как будто ты только что закусила христианским младенчиком.

– Полина, что ты несешь?

– Просто адекватно реагирую на этот кровавый кошмар! Кризис?

– Какой еще кризис?

– Среднего возраста.

– У меня еще не средний возраст, у меня еще молодость, – может, не первая, конечно, но все-таки.

– А когда начинается средний возраст?

– Ну лет в тридцать шесть, наверное, а мне только тридцать два, а на вид дают вообще двадцать семь.

– Это когда меня рядом нет, – довольно ехидно заметила Полина.

– Тебя все принимают за мою младшую сестру.

– Ужинать будешь?

– Буду. А что на ужин?

– Праздный вопрос. Конечно, супчик.

Чтобы не портить фигуру, мы на ужин обычно едим овощной постный супчик, кто-то нас научил. Это вполне съедобно, утоляет голод, и его можно есть сколько хочешь. Правда, уже нельзя пить чай, но красота требует жертв. Однако сегодня я этого не переживу.

– Нет, не могу. Собирайся, пошли в кабак!

– Ну точно, у тебя кризис! Хотя в кабак пойти совсем не хило. Зигзаг в любой диете приветствуется.

Кабаком у нас назывался маленький уютный ресторанчик, расположенный в соседнем доме. Когда мы туда вошли, я вдруг поняла, что и это заведение надоело мне до тошноты. Но поблизости другого не было, а ехать куда-то уже нет сил.

Полька с интересом листала меню, а я и открывать его не стала – и так наизусть знаю.

Когда милая девушка Жанна приняла у нас заказ, Полька, подперев лицо руками, осведомилась:

– Мам, что с тобой, а?

– Понимаешь, мне вдруг все надоело. До тошноты.

– И я?

– Ты пока нет.

– А Женя?

– Женя тоже надоел, но хуже всего то, что я сама себе надоела, понимаешь?

– Честно говоря, не очень.

– Твое счастье, – тяжело вздохнула я.

– Ты что, уже замуж не хочешь? – испуганно спросила Полька.

– Да я не знаю… Но наверное, не хочу!

– Ну знаешь, мам, в кои-то веки попался приличный мужик…

– Да мы его еще мало знаем. Все так быстро получилось…

– Вот и здорово! Выйдешь замуж, и тебя будут подстерегать сюрпризы на каждом шагу – не до скуки будет.

– Ишь ты какая умная! А мне удавиться охота.

– Мам, не вздумай! Мне еще рано быть сиротой.

– У тебя есть папочка.

– Фью! Где я, а где папочка! Да и нужна я ему триста лет… Мам, а ты возьми отпуск, съезди в Турцию, проветрись.

– Знала бы ты, как мне надоела Турция!

– Ну ты даешь! Турция ей надоела! Надо ж такое сморозить. Ну съезди в Египет.

– Не хочу. Отвяжись вообще от меня, ешь свой салат и не приставай!

Она, кажется, обиделась, во всяком случае, пожала плечами, надулась и стала с аппетитом есть салат с креветками. Но выдержала недолго:

– Мам, ты, может, влюбилась, а?

– Если бы!

– Ты что, в Женю совсем не влюблена?

– До сегодняшнего дня думала, что влюблена, а сейчас… Мне все надоело!

В этот момент у меня зазвонил мобильник. Номер почему-то не высветился, зато голос я узнала сразу. Это звонил мой двоюродный брат, Венька. Мы давно не общались. Он популярный артист и всегда занят по горло.

– Бусечка, привет!

– О, привет, пропащая душа!

– И не говори, ни на что нет времени, просто зарез. Ну как ты? Как твоя потомка?

– Большая совсем, вот сидит напротив. Мы с ней ужинаем в кабаке. Хочешь, подваливай!

– Сейчас не могу, но вот завтра… Буська, нам надо повидаться, очень!

– Что, опять любовные драмы?

– Это не драма, это почти трагедия, и помочь можешь только ты. У тебя когда обеденный перерыв?

– Если ничего экстренного не случится, то с половины второго до половины третьего.

– Давай я к тебе подскочу – и мы поговорим. Я ужасно соскучился.

– Я тоже, – вздохнула я. Все ясно как божий день. Несмотря на роскошную внешность, обаяние, талант и популярность, Венька на редкость невезучий в личной жизни. А может быть, именно в силу всех вышеперечисленных достоинств. Но одно совершенно очевидно – завтра в обеденный перерыв поесть не удастся. Он приедет на своей шикарной машине, и мы просидим там целый час, он будет говорить, какая сука его очередная баба. Или блядь. Или непроходимая идиотка. А скорее всего, и то, и другое, и третье в одном флаконе. Надоело! Но я даже отдаленно не могла себе представить, к чему приведет эта встреча. Я никогда даже не слышала ни о чем подобном, разве что читала в каком-то идиотском романе.

…В детстве мы были невероятно дружны. Я его обожала. Ну еще бы, старший брат, мечта любой девчонки, пусть даже двоюродный. Наши мамы родные сестры. Венька старше меня на три года. Нашей дружбе способствовало то, что летом мы жили вместе на дедушкиной даче в Абрамцеве, а подходящей компании для него там не было. Волей-неволей приходилось общаться со мной. А так как я его обожала, он меня ценил. Он уже тогда ценил внимание публики. Его обожали и мои подруги. Когда он подрос, то стал делиться со мной своими любовными тайнами. Потом решил стать актером, и это была самая страшная тайна. Семья ни о чем не догадывалась. Ну еще бы, у нас ценились только ученые степени. В роду имелся даже один нобелиант, дядя Сева, двоюродный брат дедушки, умерший еще до нашего рождения. Ну и семейству ужасно хотелось, чтобы Венька стал вторым нобелиантом, а он жаждал «Оскара»! И я тоже. То есть я не собиралась быть актрисой, я жаждала присутствовать на церемонии вручения «Оскара» Веньке. Мы тогда еще смутно представляли себе эту церемонию, нам этого не показывали в то время. Не знаю, получит ли Венька когда-нибудь «Оскара», но «Хрустальная Турандот» у него уже есть! И я была на церемонии вручения! Так что отчасти наши детские мечты воплотились в жизнь. Уже кое-что! Венька даже пытался сбить меня с панталыку, уговаривал поступать в ГИТИС, но я элементарно испугалась. А скандалы в семье могли кого угодно навеки отвратить от театральной карьеры. Только не Веньку. С тех самых пор из всей семьи он общается только со мной. Правда, от семьи теперь мало что осталось, Венькин отец преподает где-то в Скандинавии, и они с теткой редко бывают в Москве, так что тетя Таня, которая давно простила Веньку,

страдает и мечется между твердолобым мужем и не менее твердолобым сыном. Они уж если обижаются, то раз и навсегда, что, по-моему, не свидетельствует о большом уме. А кто сказал, что талант и ум – одно и то же?

Венька позвонил за час до обеденного перерыва:

– Буська, ты помнишь о нашей встрече?

– У меня еще нет маразма.

– Приятно слышать. Значит, ровно полвторого я тебя жду внизу! Только, пожалуйста, не приводи с собой своих сотрудниц, у нас чудовищно важный разговор, и мы можем не успеть!

– Поняла!

Однажды, когда Венька заехал ко мне, наши девицы окружили его плотным кольцом, требуя автографы и коллективно кокетничая. К тому времени он уже устал от обожания или просто был раздражен, но скандал мне закатил нешуточный. Поэтому я, никому ничего не говоря, в половине второго выбежала из нашего помпезного здания и юркнула в его машину. Он сразу заехал за угол, где нас не могли засечь.

– Привет, Буська, что-то у тебя унылый вид.

Только я собралась поведать любимому братцу, что я сама себе надоела, как он заговорил, не слушая меня. Впрочем, он никогда не умел слушать, если речь шла не о нем.

– Буська, ты должна меня спасти!

– Опять драма? Ах да, ты же говорил, трагедия. В чем дело, я тебя слушаю. Поздний аборт? Незаконный ребенок в тьмутаракани?

– Хуже, Буська!

– Ну? – уже испугалась я.

– Я горю, Буська!

– В каком смысле?

– В прямом! Синим пламенем! Понимаешь, я взялся сколотить бригаду, забойную, и сколотил, но тут Нютка, сволочь, соскочила – и теперь мы горим! Пытался найти ей замену, ни фига не выходит, ну как назло, к тому же Гордиенко фордыбачит, если он откажется, все – кранты, а я уже взял аванс! Буська, выручай!

Я не поняла ничего:

– Тебе нужны деньги?

– Какие, блин, деньги? Мне нужна ты!

– Веня, я ничего не понимаю. Ни-че-го! Или объясни по порядку, или я ухожу!

– Извини. Я слишком волнуюсь. Срывается потрясающая тусовка, за которую должны еще и прилично заплатить, а главное не это, деньги там не безумные, но я уже сорвал нескольких человек, и мне не простят…

– Я ухожу!

– Подожди! Слушай!

И он поведал мне, что в прошлом году организовал прекрасное турне. Собрал группу артистов и повез в Америку. Он сам не ожидал, что будет такой успех. И материальный в том числе. Он уже ощутил, что в нем живет еще и отличный импресарио, а это при зыбкости актерских судеб совсем нелишне. Неизвестно, будет ли он, постарев, пользоваться таким же успехом. А так в запасе вторая профессия. И вот сейчас он снова сколотил группу для поездки в Израиль. Там предусматривается двухнедельное турне по городам плюс недельный отдых у моря. Условия очень приличные, компания – зашибись, но дело в том, что Анна Тимошина, превосходная актриса и певица, наотрез отказалась ехать, а без нее горит забойный номер Юрия Гордиенко, потому что они вдвоем играют жутко смешную одноактную пьесу, которая пользуется бешеным успехом.

– И при чем здесь я?

– Ты сможешь ее заменить. Запросто!

– Я? Да ты спятил, братик. Срочно к психиатру!

– Ерунда! Ты справишься.

– Я не актриса, я не умею играть.

– Там играть не надо. Ничегошеньки, только петь. А поешь ты изумительно!

– Я не пою!

– Ты поешь! Ты прекрасно поешь! Помнишь, я как-то записал тебя на Новый год? Клевая запись получилась, так вот, я прокрутил ее Гордиенко, и он пришел в восторг. Сказал, что ты поешь непрофессионально, а это куда лучше для твоей роли. Короче, он согласился с тобой встретиться и попробовать. Получится – хорошо, не получится… Тогда зарез!

– Послушай, Венька, я спела в компании, подвыпив, без стеснения, а на публике я не могу, к тому же в окружении классных актеров… Это совершенно дикая, даже какая-то хамская идея – так подставлять сестру…

– А брата бросать в пасть… тиграм можно? – как-то сварливо осведомился Венька. – И вообще, Буська, тебе предоставляется такой шанс… я всегда говорил, что ты должна быть актрисой.

– Ты же сию минуту уверял меня, что ничего играть не надо, только петь?

– Да. Только петь. Ты, дурища, подумай, это же кайф – в такой классной компании поехать в такую классную страну…

– Там война.

– Где война, а где мы… И потом, там же люди живут и, между прочим, полной жизнью, настолько полной, что даже ходят на спектакли и концерты. Мы ж на передний край, что называется, соваться не будем. И потом в Москве тоже можно запросто нарваться на террористов. Кстати, ты можешь взять псевдоним. Не Бронислава Левашова, а хоть Матильда Кшесинская или Мария Каллас. Ты подумай, Бронзулечка, новая жизнь – пусть всего на три недели, а? Все новое – имя, профессия, хочешь, даже внешность!

Я вздрогнула. Так не бывает! Только вчера я поняла, что смертельно себе надоела, – и вдруг такое предложение. Но оно чересчур невероятное, я не смогу.

– Я, Венька, никогда не была авантюристкой.

– Ну и дура! – закричал он. – Нельзя, нельзя упускать такой шанс! Если он тебе предоставляется, его надо использовать! Ну чем ты рискуешь? Отпуском? Так ведь отдых тебе обеспечен и куча впечатлений, страна-то потрясающая.

– Я не понимаю!

– Ну чего ты не понимаешь?

– Почему ты не можешь найти профессиональную актрису или певицу? Их, по-моему, как грязи…

– Я пытался, – тяжело вздохнул кузен. – Не вышло. С двумя Гордиенко категорически отказался работать, а он, сама понимаешь, ключевая фигура… И номер забойный. В Америке такой успех был… Одна, на которую он согласился, не смогла… И потом, Буська, ну нет времени, можешь ты понять?

И тут я вдруг ощутила, что больше всего на свете я хочу поехать. И внутри все уже дрожало от страха. Я боялась, что Гордиенко меня не одобрит, и ужасно боялась опозориться, если меня возьмут.

Заметив мои колебания, Венька как клещ вцепился в меня:

– Буська, я тебя просто умоляю! Если ты согласишься, я готов всю жизнь исполнять все твои самые дурацкие желания. Вот ты, например, позвонишь мне

ночью и скажешь: «Венька, я хочу, чтобы ты женился на Никаноровне!» Ей-богу, женюсь!

Никаноровна – это старая домработница, которая живет в квартире его родителей.

Я не выдержала и расхохоталась.

– Значит, ты согласна? – возликовал Венька. – Тогда давай свой загранпаспорт и срочно говори псевдоним.

– Погоди, а Гордиенко? Вдруг я ему не подойду?

– Вечером мы едем к нему, я уже договорился.

– Как ты мог договориться? – ахнула я.

– Рассчитывал на преданную сестринскую любовь.

– Наглая морда! Я же боюсь, ты понимаешь?

– Побоишься, перестанешь. Все боятся. И потом он такой обаятельный, он тебе понравится.

– Он всем нравится.

– Ну вот видишь… Он так всем нравится, что ты спокойно будешь купаться в лучах его славы, а заодно и в Средиземном море. Поди кисло?

– Да нет, совсем не кисло. Но стремно.

– Ерунда, не боги горшки-то обжигают.

– А если я провалюсь?

– Ты не провалишься, я убежден на все сто.

– Сто пудов, как говорит Полька?

– Сто пудов! Бусечка, подумай, мы три недели будем вместе, как когда-то в Абрамцеве. Это же кайф, а то в этой суматошной жизни и не видимся почти.

– Да ладно, я тебя небось и не увижу, как пойдешь по тамошним Суламифям.

– Да ты что, я в таких поездках сама добродетель. Положение обязывает. В мои задачи ведь входит обеспечение дисциплины, а актеры такой народ… Любят расслабиться, и Израиль к этому располагает.

– К чему?

– К расслабухе.

– Никогда бы не подумала, особенно если смотреть сводки с Голанских высот и с этих, как их… территорий.

– Ты не поверишь, но там мгновенно наступает расслабуха. У актеров особенно. Никогда не видел, чтобы знаменитые, классные артисты так халтурили, как там… Но у меня этого не будет. Ну все, Бусенька, на вот съешь плюшку, ты же любишь!

И он достал из пакетика именно такую плюшку, как я люблю, – улиточкой, посыпанную сахаром с корицей.

– Венька, – умилилась я.

– Рада? Я помню все про свою любимую сестренку, не дам тебя в обиду никому и, более того, обеспечу тебе успех!

– Да ладно тебе, болтун. А запить плюшку у тебя есть чем?

– Обижаешь! – Он протягивал мне бутылочку с квасом.

– И это помнишь? – совсем растаяла я. – Венька, ты жуткая сволочь! Искуситель!

– Ничего, ты еще будешь умирать от благодарности ко мне. Кстати, у тебя в Израиле, кажется, кто-то был?

– Ой, Венька, я, кажется, соглашусь.

– Что значит – кажется? По-моему, ты уже согласилась. Короче, мне пора, вечером я за тобой заскочу, поедем к Гордиенко.

– Боже, Венька, ты так на меня насел, что я даже не спросила, что там надо петь? Какой кошмар!

– Разберешься. Все, чао-какао!

Он умчался, а я осталась стоять столбом на улице. А кто мне, кстати, отпуск даст? Бред все это, чистой воды сумасшествие. Я даже головой потрясла, чтобы стряхнуть с себя наваждение. И медленно побрела за угол, на работу. Венька сказал, что я могу взять псевдоним. А какой? Бронза? А что, можно. Хотя нет, глупо уж очень. В роли такого-то – Юрий Гордиенко, в роли такой-то – Бронза! Идиотизм! Ненавижу свое имя, вот родители удружили! Мама как-то сказала, что имя мне выбрала бабушка, а та объяснила, что Броня была одной из героинь ее любимого в юности романа «Девочки с Новолипок» какой-то польской писательницы. Я даже попыталась найти эту книжку, но не смогла. Интересно, почему же бабушка не назвала Брониславой маму, а отыгралась на мне? Вот теперь я и живу с этим именем. Торжественным и бронированным. Обычно все зовут меня Броней, только Венька еще в детстве прозвал Буськой. Что крайне возмущало моего мужа. Это собачья кличка, негодовал он и звал меня Славой. Броня ему тоже не нравилась. Кое-кто звал меня Бронзой или Брошкой. Раньше я это терпела, пока не прочитала несколько романчиков Дарьи Донцовой, у которой героинь звали Лампой и Вилкой. С тех пор я всегда фыркаю как разъяренная пантера, если кто-то зовет меня Бронзой или Брошкой. А вот Буська меня вполне устраивает. А что, если так и явиться перед публикой: выступает Буська! По-моему, отличная идея! Сразу понятно, это прикол! Ой, мамочки, о чем я думаю, идиотка! Я что, и впрямь собираюсь выступать перед публикой?

– Броня, что это с вами? – поинтересовалась моя непосредственная начальница Инна Геннадьевна.

– Ой, я задумалась, извините. С дочкой проблемы, – ляпнула я первое, что пришло в голову. И смертельно испугалась, как бы не накликать!

– Что-то серьезное? – поинтересовалась она.

– Да нет, школьные дела.

– Я могу чем-то помочь?

Она всегда старалась помогать своим подчиненным, но, как злословили эти самые подчиненные, не от доброты душевной, а от стремления к совершенству в работе отдела. Но это неправда. Она просто одинокая немолодая женщина, у которой, кроме работы, ничего и нет в жизни. Но чем бы она ни руководствовалась, а если в ее помощи нуждались, помогала чем могла.

– Да нет, спасибо большое, Инна Геннадьевна.

Но вот отпуск в неурочное время она мне точно не даст. А уж если прознает о моих гастролях, и вовсе безжалостно уволит. Какие, на фиг, гастроли, я еще не сошла с ума. Пусть Венька сам выкручивается, нашел, понимаешь, себе палочку-выручалочку!

– Мам, что у тебя стряслось?

– Ничего пока.

– Что значит – пока?

– То и значит – пока ничего не стряслось.

– Но может стрястись?

– Всегда что-то может стрястись.

– Ой, мать, ты мне не нравишься.

– Я не обязана всем нравиться.

– Всем – не знаю, а мне – обязана.

– Ты полагаешь? – рассеянно спросила я. Меня вдруг стал занимать вопрос, как бы Полька отнеслась к такой авантюре. Боюсь, что восторженно. А Женя, как Женя отнесется? Уверена на все сто – сугубо отрицательно. Ну да ему лучше вообще не знать об этом. Скажу, что уезжаю с шефом в длительную командировку, и все. Он поверит. Такое не раз бывало. Он ревновал, а мне это даже нравилось, дуре. Ревнует – значит, вроде как любит. Вроде как… Нет, я не сомневалась, что Женя меня любит. Я сомневаюсь лишь в том, что я его люблю. Но его любит Полька, он ее тоже, что немаловажно. А мне уж ладно, стерпится – слюбится. Но что же мне спеть сегодня у Гордиенко? Господи, у меня разве хватит смелости открыть рот при нем? Ой, мамочки, во что меня втягивает этот обалдуй Венька?

И тут он позвонил:

– Буська, готова?

– Нет.

– То есть как? Все снова-здорово? Буська, не начинай! Я буду у тебя через пять минут! Изволь одеться. Нельзя заставлять ждать народного артиста. И надень, пожалуйста, что-нибудь подчеркнуто строгое, деловое.

– Зачем?

– Для контраста! Войдет такая строгая дама и вдруг запоет! Отвал башки!

– Это я тебе гарантирую!

– Что?

– Отвал твоей дурацкой башки!

– Бусенька, я тебя обожаю.

– А я тебя ненавижу, козла! – Я швырнула трубку.

– Мать, ты с кем так строго?

– С Венькой.

– За что?

– Есть за что, не сомневайся.

– Не сомневаюсь. Ты куда-то собираешься?

– Да. Венька требует, чтобы я пошла с ним в гости.

– В качестве телохранителя, что ли?

– Какого телохранителя?

– Ну чтобы охранять его знаменитое тело от нападения всяких разных коз?

– Ну что-то в этом роде, – пробормотала я.

– А к кому в гости?

– К Гордиенко.

– Ух ты, клево! Ты там посмотри, у него потрясная собака.

– А ты почем знаешь?

– В каком-то журнале видела. Лабрадор. Мамочка, ты там разузнай, как за ней ухаживать.

– Зачем это?

– Мне Женя обещал щеночка лабрадора.

– А что он тебе еще обещал?

– Горные лыжи!

– Через мой труп.

– А щенка? Тоже через труп?

По сравнению с горными лыжами щенок – это такие пустяки…

– Нет, щенок без трупа обойдется, но… Гулять с ним я не буду!

– А зачем вообще гулять, мы же будем за городом жить, когда вы поженитесь.

Так, они уже все решили без меня.

– Там будет видно.

Тут явился Венька:

– О, Полина, ты уже не ребенок, ты телка!

– Венька, заткнись! – разозлилась я.

А Полина, наоборот, обрадовалась такому комплименту.

– Ну ты готова, Буська? Отлично, пошли. Ой, а гитара?

– Мать, ты что, собираешься глотку драть у Гордиенко? Не советую.

– Ты как с матерью разговариваешь? – напустился на нее Венька. – Да если хочешь знать, из нее могла бы выйти классная певица.

– Чего ж не вышла? – хмыкнула дочь.

– Много будешь знать, скоро состаришься. Пошли, Буська!

Что было у Гордиенко, я помню очень смутно. Когда мы с Венькой уже глубокой ночью вышли на улицу и сели в машину, он сказал:

– Согласись, я все-таки гений.

– Почему?

– Потому что выбрал тебя.

– Вень, а что это было?

Он внимательно на меня посмотрел:

– Это был успех. Явный и определенный. Сама, что ли, не поняла?

– Нет, я была все время как в тумане.

– Не придуривайся!

– Честное слово, Венечка, я даже ничего не помню.

– Интересно, а ты запомнила, что завтра должна начать с ним репетировать?

– Завтра? Репетировать? – искренне удивилась я. У меня есть странное свойство – иногда, если очень волнуюсь, я потом почти ничего не помню. Такое со мной уже не раз бывало.

– Буська, возьми себя в руки. Завтра в десять ты должна приехать к нему.

– В десять вечера?

– Утра!

– Но я же работаю.

– Завтра суббота!

– Ой, правда! С ума сойти! Венька, это что же выходит, я поеду на заграничные гастроли?

– Выходит, так!

– Опупеть!

– Ты уже опупела! Вот что, сейчас я поднимусь к тебе, ты дашь мне заграничный паспорт и две фотки на визу.

– Я не знаю, есть ли у меня, я завтра снимусь… И вообще, что ты сделаешь с паспортом в субботу?

– Тогда придется еще раз к тебе тащиться, а у меня со временем зарез. Ладно, черт с тобой. Кстати, вот тебе анкеты, заполнишь и в воскресенье где-нибудь пересечемся.

Он вытащил из валявшейся на заднем сиденье папки два листочка и сунул мне в руки:

– Держи. И хватит трястись. Все уже позади.

– То есть как это – позади? Все еще только начинается.

– Ерунда. Главный экзамен ты сдала на пятерку. Знаешь, какой Гордиенко строгий? А тут просто поплыл. Кстати, я думаю, не только от твоего вокала. Мне

так показалось.

– То есть?

– Ну приглянулась ты ему!

– Не выдумывай!

– Да чего ты пугаешься? Тебе ничего не грозит. Он прекрасный муж, отец и дедушка. Но некоторая влюбленность на сцене не помешает. К тому же, если пустить слух…

– Что? Какой еще слух?

– О вашем романе с Юрашей. Знаешь, как побежит израильская публика смотреть на тебя?

– Я тебя убью! И никуда не поеду.

– Ну если убьешь, то и вправду никуда не поедешь, так что не советую!

– Дело в том, что мне, скорее всего, не дадут отпуск!

– То есть как?

– А вот так! У нас все спланировано, расписано, и неожиданно отпуск могут дать только в каком-то крайнем случае.

– Не волнуйся, это не проблема.

– Что?

– Придумать крайний случай! Чепуха!

– Я не умею.

– Черт с тобой, возьму это на себя.

И в понедельник он явился ко мне на работу. Наши все вытаращили глаза, а он уединился с Инной Геннадьевной – и через двадцать минут отпуск был подписан. Причем с завтрашнего дня. А отъезд, вернее, отлет был назначен на следующую неделю. Совершенно ошарашенная, я пошла его проводить к выходу:

– Что ты ей наплел?

– Какая разница?

– Что значит – какая разница? Я должна хотя бы знать, что ты наврал, чтобы не попасть в неловкое положение.

– Не попадешь! За это я ручаюсь. Она обещала быть предельно деликатной. Ну все, я помчался, времени нет!

Вот так я избавилась от гнетущего ощущения, что надоела сама себе. Мне было некогда. Я репетировала с Гордиенко, и это было фантастически интересно. Сюжет одноактной пьески заключался в том, что неудачливая певичка из провинции приезжает в Москву, является к пожилому продюсеру и начинает повсюду преследовать его своим пением, пока наконец он не влюбляется в нее. Весьма милый водевильчик, не более того. К тому же содранный с какого-то бродвейского мюзикла, ужатый до одноактной пьески и перенесенный на российскую почву. Роль у Гордиенко главная, и играет он ее, насколько я могу понять, блистательно. Моя же роль сводится к музыкальным иллюстрациям его рассказа. Вся пьеса занимает сорок минут.

– Бронечка, детка, вы можете петь что хотите, это несущественно. Главное – не бояться публики. А маночек в вас есть. Зритель от вас будет тащиться, – успокаивал он меня. – И пожалуйста, постарайтесь сохранить тот испуг, который у вас есть, зафиксируйте его, это поможет…

– Нет, Юрочка, – вмешалась его жена, педагог в театральном училище, – не надо ничего фиксировать. Насколько я понимаю, Броня не собирается менять профессию, и ее испуга вполне хватит на ваши гастроли. Обнаглеть она просто не успеет.

– Ох, не скажи, – вздохнул Юрий Митрофанович. – Иной раз люди наглеют моментально.

– Ну, по-моему, это не тот случай.

Они говорили так, будто меня с ними не было.

Но Нина Ивановна все-таки обратилась ко мне:

– Броня, я не ошибаюсь на ваш счет?

– Нет, мне бы только набраться наглости, чтобы выйти на сцену и рот открыть.

– Ну это, конечно, важно, но Юра вам поможет. Не знаю, как насчет театральной карьеры, но диск я бы на вашем месте записала. Вы чудесно поете.

Слышать такое было приятно до ужаса, но мне все казалось, что они это говорят, чтобы подбодрить меня, чтобы я от страха не сорвала гастроли.

До отъезда оставалось три дня, а я, занятая репетициями и поисками подходящего репертуара, еще не уладила и половины дел. По дороге домой от Гордиенко я решила, что прежде всего поговорю с Полькой. Ничего от нее скрывать не стану, а вот отцу, которому надеюсь ее подкинуть, правду говорить нельзя, поэтому мне необходимо заручиться ее поддержкой. К счастью, она была дома.

– Полина, поди сюда!

– Мам, подожди, я досмотрю…

– Долго еще?

– Десять минут!

Она с упоением смотрела бесконечный сериал «Бедная Настя».

– Ма, чего? – явилась она на кухню, где я готовила обед на завтра.

– Полина, у меня к тебе разговор.

– Воспитывать будешь? – обреченно вздохнула она.

– Нет. Все гораздо интереснее.

И я рассказала о предстоящей авантюре. У нее загорелись глаза.

– Мам, ты не врешь?

– Мне бы и в голову не пришло такое врать.

– Супер!

– Что?

– Все! Ох, Веня молоток! А ты почему мне раньше не говорила?

– Потому что была уверена, что Гордиенко меня забракует. Кстати, собака у него умерла.

– Ой, как жалко! – огорчилась Полька, но тут же глаза ее снова засияли. – Мам, а мне нельзя с тобой поехать?

– Нереально!

– Почему?

– По целому ряду причин, начиная с того, что у меня там свободной минутки не будет.

– Но ты же вроде сказала, что неделю будешь отдыхать! А я бы, пока ты работаешь, о тебе заботилась, супчик варила диетический.

– В гостинице?

– А чего? Плитку можно взять!

– Прекрати, Полька. Я умираю со страху, а ты с глупостями.

– Ладно, я понимаю, у меня шансов нет.

– Вот и умница.

– Значит, ты меня оставишь тут одну?

– Нет, на это время переберешься к деду.

– Кайф! А он в курсе?

– В том-то и дело, что нет. И я хочу, чтобы это была наша с тобой тайна.

– Супер! Да, дед небось лапти сплел бы, если б узнал.

– Лапти? Какие лапти? – опешила я.

– Ну ма, это ж значит коньки отбросить. Или сыграть жмура.

– Господи помилуй, где ты этого кошмара набралась?

– В гимназии, мамочка, – опустив благонравно глазки, сказала она сладеньким голоском. – Ладно, мам, это все фигня, ты мне лучше скажи, ты под своим именем позориться будешь?

– Ты уверена, что я провалюсь?

– Нет, наоборот, просто у меня такая манера выражаться.

– Конечно, я возьму псевдоним.

– А какой?

– Еще не придумала.

– Надо что-то такое броское, чтобы как взрыв!

– Там и без меня хватает взрывов.

– Ой, а я и забыла, что там война! Мам, а ты не боишься?

– Сейчас я боюсь только выхода на сцену. Все остальное мне кажется не так страшно.

– Ничего, не бойся, мамочка, у тебя получится! Ой, а Женя в курсе?

– Нет, – тяжело вздохнула я.

– Ему тоже врать будем?

– Будем! Он не поймет.

– Это точно. Вообще-то я тоже не очень понимаю…

– Чего ты не понимаешь? – с тоской спросила я.

– Как ты согласилась? Ты же вообще такая разумная, выдержанная, мне дед всегда тебя в пример ставит…

– А мне надоело…

– Что?

– Все, я тебе уже говорила – и тут вдруг такое предложение. А еще я хочу изменить внешность.

– Класс! Давно пора! Надо что-нибудь эдакое забацать!

– Забацаю! Но еще не знаю, что именно. Завтра пойду.

– Куда? В салон красоты?

– Ага, мне жена Гордиенко посоветовала одну мастерицу…

– Мам, а ты знаешь, я тебя… уважаю! – вдруг серьезно проговорила моя неожиданная дочка.

– Уважаешь? Вот и хорошо.

– А знаешь за что?

– Ну?

– В твоем возрасте вляпаться в такую историю… Это круто!

Она, кажется, считает меня старухой!

– И не волнуйся, я буду хранить эту страшную тайну! Но ты должна мне кое-что пообещать.

– Новый мобильник?

– Я об этом не подумала, но в принципе тоже нехило. Но главное – возьми у деда видеокамеру, и пусть Веня запишет спектакль! Я должна это видеть и слышать. По-моему, справедливо!

– Безусловно, это только справедливо, – согласилась я. – Но под каким предлогом я возьму камеру?

– Ну наври что-нибудь!

– Ой, и так приходится много врать. Я надеюсь, что у Веньки есть камера.

– А если нет? Ты скажешь деду, куда ты едешь?

– Скажу. Чем меньше врать, тем легче.

– Значит, Израиль не тайна, а что ты там будешь делать?

– Еще не придумала.

– А я знаю! Ты там будешь лечиться на Мертвом море!

Я даже застонала от восторга:

– Полина, ты гений! Но папа ведь спросит, от чего я собираюсь лечиться.

– Говно вопрос! Закатишь глазки, потом потупишь и скажешь: «Папа, это по женской линии». Он дальше спрашивать не станет.

– Здорово придумано… У тебя что, такой большой опыт по части вранья?

– Ну не то чтобы большой… Но кое-какой есть. Да ты не бери в голову, я не тебе вру, в основном в гимназии… там не обойдешься… А вообще-то сейчас ты сама меня на вранье подбиваешь, – опомнилась она.

Мы расхохотались и крепко обнялись.

Когда я окончила школу, мои родители словно с цепи сорвались. Оказалось, что оба крутили романы на стороне. Первым решился папочка. Он ушел к своей подруге на другой день, после того как меня приняли в институт. Для меня это был шок, а мама… Она уже через месяц вышла замуж. За своего школьного друга. К счастью, родители сохранили вполне дружеские отношения.

Я почувствовала себя брошенной, мне было тогда хуже всех, и с горя я довольно быстро выскочила замуж. Муж был начинающим бизнесменом, потерпел крах и решил, что ему необходимо учиться в Америке. К моменту отъезда я как раз собиралась родить. Разумеется, я с ним не поехала. А когда он вернулся, Польке

было уже два года. Мы прожили вместе три месяца и разошлись. От любви остались только воспоминания. Но он тем не менее всегда мне помогал, а когда Полька подросла, стал с ней общаться, и я этому не препятствовала. Он давно женился на вполне приличной женщине, других детей у него нет, он любит Польку. Каждое лето берет ее с собой на отдых за границу, и они хорошо ладят. Его мать, Полькина бабка, обожает внучку. Так что дочка у меня не обделена любовью. Но двум кандидатам в мои мужья она устраивала такие концерты, что они быстро охладели ко мне. А вот Женя, Евгений Николаевич, сумел как-то расположить ее к себе, они быстро привязались друг к дружке, и теперь даже порой дружат против меня.

– Мам, я тебе псевдоним придумала!

– Воображаю!

– Ну и зря! Очень даже клевый псевдоним. Полина Брон.

– Как?

– Полина, ну это в честь меня, а Брон – кусочек от Брониславы. Чем плохо?

– Знаешь, мне нравится! – обрадовалась я. – Здорово! Полина Брон! Ой, Полька, если б ты знала, как я боюсь!

– Не бойся, остальные должны больше бояться.

– Какие остальные?

– Ну Веня, и Гордиенко особенно. Ты ведь можешь все провалить, но они же не боятся! Значит, и тебе бояться не нужно.

– Ну вот, все как вы просили, теперь вас родная мать не узнает, – смеясь, сказала парикмахерша.

– Это точно, – пролепетала я, во все глаза глядя в зеркало. Оттуда на меня смотрела какая-то совсем дикая женщина. Мои гладкие темно-русые волосы,

которые я обычно затягиваю в аккуратный пучок, теперь висели длинными, туго завитыми спиралями двух цветов – золотистого и темно-каштанового.

– Ну как?

– Н-не з-знаю… – заикаясь, ответила я. – А эта завивка долго продержится?

– Долго, не волнуйтесь, – ответила она, думая, что успокаивает меня.

– А цвет… скажите, можно будет потом покраситься в прежний цвет, через месяц?

– Покрасим, не волнуйтесь. Это вы решили внешность поменять на время отпуска?

– Именно. А то у меня на работе не поймут…

– Не волнуйтесь. Вернем вам прежний образ, хотя, честно говоря, так вы во сто раз интереснее. В вас что-то такое появилось…

– Дикое, да?

– Не то чтобы дикое, но экзотическое.

– Да уж, экзотики хватает. Сюда, наверное, подойдут крупные серьги.

– Конечно! А хорошо бы еще браслеты… И знаете, советую еще позагорать в солярии.

– Да я на юг еду…

– Два сеанса не помешают.

– Я подумаю, спасибо.

– Вы зря так настороженно отнеслись. Увидите, у вас теперь все переменится в жизни. Поверьте мне, уж я знаю!

Из парикмахерской я поехала к Гордиенко. Он сам открыл мне:

– Вы к кому?

– Юрий Митрофанович!

– Броня, вы? Что вы с собой сделали? Совсем другая… Но, черт побери, это интересно! Какая-то дикарка получилась… Но мне нравится! Это не парик? – Он дернул меня за кудрявую прядь.

– Ай! Больно!

– Вениамин вас уже видел?

– Нет. Вы первый, даже дочка еще не видела. Вам правда нравится?

– Мне – да!

А после репетиции он сказал:

– Бронечка, вот сегодня я могу сказать, что уверен в успехе. Вы раскрепостились. И дело, как я понимаю, в перемене облика. Это иной раз очень полезно! Поздравляю!

Домой я летела как на крыльях.

– Отвал башки! – закричала Полина при виде меня. – Мама, супер! Тебе надо срочно загореть!

– Времени нет!

– Автозагар!

– Что?

– Ну мазилка такая есть! Хочешь, сбегаю куплю?

– Не надо!

– Ну и зря! Мам, я забыла, Веня звонил, сказал, что заедет в девять и чтобы мы его покормили.

– Ладно, покормим.

– А еще, мам, завтра родительское собрание в семь часов.

– Родительское собрание? Не пойду! Не успею!

– Вообще-то с такими кудрями лучше не ходить, – заржала Полька. – Могут неправильно понять. Особенно наша Валентина!

– А что, это так неприлично выглядит? – перепугалась я.

– Да клево выглядит, просто не очень… как бы это сказать… не очень добродетельно.

– Кошмар! Ой, а вдруг Венька забракует?

– Исключено!

– Думаешь?

– Уверена!

Она как в воду глядела. Венька пришел в восторг:

– Буська, ты похожа на шнурового пуделя! Блеск! Ой, мамочка, как мне нравится! Не будь ты моей кузиной, я бы в тебя втюрился!

– А в кузину можно, – заметила Полина. – Это не считается инцестом!

– Мама дорогая, что она несет! – воскликнул Венька, хватаясь за голову. – Что за воспитание!

– Нормальное воспитание, – пожала плечами Полька. – Современное.

– Хорошо, что у меня нет детей!

– Ты уверен? – спросила она.

– Конечно, что хорошего в нынешних детках!

– Нет, я хотела спросить, ты уверен, что у тебя нет детей? Может, где-то и подрастают?

– Полина! – возмутилась я.

– Буська, что это будет лет через пять?

– Путана номер один! – спокойно ответила Полька.

– Уже немодно! – парировала я, привычная к подобным штучкам.

– Что – немодно?

– Отстой, можно сказать.

– Что – отстой?

– Быть путаной – уже немодно. Это было актуально, когда ты родилась, а теперь уже нет. Теперь гораздо актуальнее быть бизнес-вумен.

– Но путаны же есть!

– Заткнитесь, бабы! – не выдержал Венька. – Уши вянут. Ты псевдоним придумала?

– Полька придумала – Полина Брон!

– Полина Брон? Нормально! – Он вытащил мобильник: – Толик, вместо Тимошиной Полина Брон. Да-да. Порядок, пока.

– Вень, а скажи… – начала Полина.

– Отвянь! Голова и так кругом идет, еще твои глупости слушать! Спать тебе пора!

– Не пора! Скажи лучше, а кроме мамы и Гордиенко, кто с вами еще едет?

Боже мой, я так ошалела от всего происходящего, что даже не задала ему этого элементарного вопроса.

– Демин и Барышева.

– Класс! – воскликнула Полька.

– Еще Андрюха Дружинин с женой и Вовик Златопольский.

– Мама, я горжусь тобой! В такой компании выступать – это же супер!

– Это ужас! – простонала я.

– Вень, а у Дружинина жена красивая?

– Очень! А ноги – с ума спятить! Характер, правда, не сахар, я бы ее не взял, но он сказал, что без нее не поедет. А он, можно сказать, главная приманка для дам! Такой красавец.

– Венька, во что ты меня втравил?

– Ты еще будешь задыхаться от счастья и писать кипятком!

– Да ну тебя!

До отъезда оставалось два дня. Я перевезла Польку к своему отцу, его, к счастью, не было в Москве, а жена Симочка, женщина в высшей степени деликатная, не стала спрашивать, от чего именно я собираюсь лечиться на Мертвом море. Только сочувственно кивнула головой. Она прекрасно относилась к Польке и радовалась, что та будет гулять с их овчаркой Куней, полное имя которой Кунигунда. Чтобы не напугать Симу, я собрала свои новые кудри в пучок и запихала под шляпку, надвинув ее пониже. Симочка дама возвышенная и ровным счетом ничего не понимает в шляпках и в том, как их надо носить. Она живет совершенно другими интересами.

– Полина, не протрепись! – взмолилась я на прощание.

– Могила! Но ты мне позвони после первого спектакля, ладно? Я же волнуюсь.

– Обещаю!

– Нет, ты мне сразу позвони и сообщи, когда первое выступление. Я буду тебя ругать! Последними словами!

– Да, пожалуйста! Самыми последними! Нет, Полька, знаешь, если я провалюсь, то я звонить не стану. Так и знай, если не позвонила, значить, провалилась!

– Да ну тебя, мам, как ты можешь провалиться рядом с Гордиенко? Он-то точно не провалится. Ему будут хлопать как ненормальные. Ну скажут, на худой конец, что партнерша у него не ахти, и все. А тухлыми яйцами и помидорами тебя не закидают, будут бояться попасть в Гордиенко!

– Спасибо, утешила!

– Мам, кончай, все будет клево, и ты еще станешь звездой!

– Ну разумеется, вторая Барбара Стрэйзанд!

– Не Барбара, а Полина Брон!

Вечером накануне отъезда я решила все-таки позвонить Жене и сказать, что уезжаю лечиться. Но его мобильник был почему-то отключен. Тогда я позвонила ему домой и наговорила на автоответчик: «Женечка, не могу дозвониться. У меня так все складывается, что я уезжаю в Израиль – лечиться на Мертвом море. Ничего страшного, но подвернулась возможность недорого пройти курс лечения. Полина у моего папы. Обязательно позвоню, когда устроюсь. Целую крепко. И нежно!»

Самолет вылетал около двенадцати, но Венька заехал за мной в восемь.

– Пока доедем, пока пройдем все эти процедуры в аэропорту. Златопольский с гарантией опоздает. Андрюха со своей Ларочкой тоже, а мне уж никак опаздывать нельзя. Да ничего, Буська, я хоть отдохну в аэропорту. Ты даже вообразить не в состоянии, что я провернул за последние дни. Сам себе не верю. Ой, Буська, как хорошо, что ты с нами едешь, по крайней мере свой, родной человечек!

– Ненавижу слово «человечек»!

– Ладно, человечище.

– Венька, а если я провалюсь?

– Ты не провалишься.

– А если все-таки?

– Замолчи, дура!

– Спасибо тебе!

– А что, я, по-твоему, должен тебе поддакивать? Да, сестренка, ты непременно провалишься. Даже слышать об этом не желаю! И потом, я убежден, что все будет отлично. А вообще, перестань. Ты увидишь дивную страну, будешь купаться в Средиземном море, наслаждаться солнышком, фруктами. Ты любишь арбузы, а там сейчас полно арбузов, и они, представь себе, без косточек.

– Как – без косточек?

– А вот так! В еврейских арбузах нет косточек! Ты только вообрази: встанем рано утром – и на море! А потом завтрак, а на завтрак арбуз! И только вечером спектакль!

– Венька, а что ты наврал моей начальнице?

– Сказал, что у тебя на сиськах какая-то экзема, а ты замуж собираешься.

– Почему – на сиськах? – засмеялась я.

– Ну чтобы к свадьбе зажило! Да какая теперь разница?

– Действительно, никакой! – вдруг облегченно рассмеялась я.

Мы еще ехали по Москве, а я уже не так смертельно боялась. В самом деле, никто не освистает Гордиенко! И потом, я ведь и правда неплохо пою! Конечно, разговоры о том, что мне якобы ничего не надо играть, сущая ерунда. Мне надо играть. Не бог весть что, конечно, но все-таки. И Юрий Митрофанович сказал, что у меня получается, особенно с новой прической. Он сумеет меня подбодрить в нужный момент. И в конце концов, спектакль еще только завтра вечером! А пока буду жить! Зачем умирать раньше смерти? Да и Венька тоже не совсем идиот. Он понимает, что я ничего не умею, и будет меня поддерживать. Мы ведь с ним родные, близкие люди и с детства дружим. Не могла же я его подвести. А главное – у меня напрочь исчезло уныло-депрессивное чувство, что я сама себе надоела.

Напрочь! Я сейчас была интересна сама себе. Что еще я могу выкинуть?

Разумеется, мы приехали первыми.

– Черт, как жрать охота! – простонал Венька. – Я не завтракал, но тут такие цены, что несварение желудка обеспечено. Вот фигня!

– Дать тебе денег?

– У меня есть. Просто выложить пятьсот рублей за кусочек пережаренной куриной ножки не позволяет совесть. Ничего, я потерплю.

– Тогда съешь шоколадку.

– У тебя есть?

– Ага!

– Лучше б ты захватила пару бутербродов!

– Сказал бы!

– Не сообразил!

– Ой, а вот Юрий Митрофанович! – обрадовалась я.

– Друзья мои, вы уже здесь! Душевно рад! Бронечка, можно дернуть за кудряшку? Прелесть что такое, вы не находите, Веня? Хотите пирожков с мясом? Теща напекла в дорожку.

– Юрий Митрофанович, вы не только великий артист, вы еще и волшебник, – просиял Венька.

– Понимаю! Сам ненавижу платить бешеные деньги за весьма сомнительную шамовку. Да и отравиться можно. Ешьте, ешьте, вкусно и с гарантией. Бронечка, берите!

– Ну конечно! – раздался незнакомый голос. – Где артисты, там или пьют, или жрут!

– Вовик, я думал ты приедешь последним! – закричал Венька.

Я никогда не видела этого человека, только слышала о нем. Актер и шоумен Владимир Златопольский. Мне он сразу понравился. Обаятельная улыбка, сияющие весельем синие глаза. Он напомнил мне моего любимого артиста, Хью Гранта.

– А я парень неожиданный! Кто эта прелестная девушка? Твоя жена, Венька?

– Это моя новая партнерша, – опередил Веньку Гордиенко. – Анюта не смогла поехать, и вот Веня нашел Бронечку!

– Отлично! По-моему, я где-то вас видел? Вы не у Фоменко играете?

– Нет. Я нигде не играю.

– А!

Казалось, он утратил ко мне всякий интерес. И побежал куда-то в сторону, категорически отказавшись от пирожков, которые были выше всяких похвал.

– Он стесняется, – с мягкой улыбкой заметил Гордиенко. – Немного странный парень. Производит весьма нахальное впечатление, а на деле нежнейшая, ранимая натура. Среди актеров чувствует себя нормально, но люди со стороны его пугают.

– Вы так хорошо его знаете? – спросила я.

– Да, он ученик Ниночки, и она в нем души не чает.

– Но почему же он меня застеснялся? Вы же сказали, что я ваша партнерша, то есть все-таки актриса.

– Чуют правду! – глубоким басом пропел Венька фразу из «Ивана Сусанина».

– Да-да, он такой!

– С ума сойти!

Вскоре появилась и Барышева, чудесная характерная актриса, толстая и уютная. И буквально вслед за нею Сергей Николаевич Демин, весельчак и балагур с грустными глазами. Гордиенко и их оделил пирожками, а Сергей Николаевич вытащил из кармана большую плоскую фляжку и, подмигнув, предложил выпить по глоточку за встречу. Венька достал из сумки упаковку с бумажными стаканчиками.

– Нет, вы чувствуете, что за руководитель у нас! – воскликнул Демин. – Обо всем позаботился! А что это за прелестное создание?

– Моя партнерша! – опять заявил Гордиенко.

А Венька опять промолчал, что я его кузина.

Скрывает, что ли?

Вокруг нас уже ходили люди, словно не веря своим глазам, – столько знаменитостей сразу.

– Вень, а не пора ли нам… – сказала Барышева. – Они там будут еще опрашивать нас…

– Да, вы, пожалуй, идите, а я подожду Дружининых, пора бы им уже появиться.

– О, а вот и очаровательная Ларочка! – обрадовался Демин.

К нам приближалась поистине ослепительная девушка! Высоченная блондинка с умопомрачительными ногами. В первый момент мне показалось, что она второпях забыла надеть юбку, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что юбка все же есть. Но невооруженным глазом заметить ее трудно.

– Привет всем! Не опоздала?

– Ларчик, солнце мое, что значит это единственное число? – позеленел Венька. – Где Андрей?

– С таксистом расплачивается, а я вперед побежала, там же теперь еще и на входе вещи просвечивают!

– Ну слава богу, все в сборе! – перевел дух Венька. – Ладно, Ларчик, жди мужа, а мы пока пойдем. Да, вот, познакомься, это Броня, она вместо Анюты будет.

– Привет, Броня! – улыбнулась она обаятельной улыбкой.

– Привет!

Поскольку мы летели самолетом израильской авиакомпании, то кроме обычных таможенно-пограничных процедур нам предстояло еще и собеседование с представителями службы безопасности Эль-Аль. Милая кудрявая девушка долго расспрашивала меня, кто именно собирал мой чемодан, не подходил ли кто-то к моим вещам или ко мне, не просил ли что-то передать. И когда наконец она отстала, я заметила Ларочку с мужем. Я видела его в каких-то фильмах, и он представлялся мне ослепительным, романтическим красавцем. А тут небритый, чрезвычайно хмурый мужик на полголовы ниже жены, правда, она при своем немалом росте была еще на высоченных каблуках. Наверное, он жутко талантливый, если на экране кажется таким красивым.

Когда все уже прошли пограничный контроль, я тихонько спросила:

– Вень, а что, надо скрывать, что мы с тобой кузены?

– Да боже упаси! Но вот говорить, что ты непрофессионалка, пока не стоит.

– Но ведь завтра вечером это станет всем очевидно!

– Да брось, все будет отлично! Выступишь, тогда и скажем, если кто спросит.

– Но вот же Златопольский спросил, откуда я.

– Блин, отвечай «от верблюда»!

– Ты чего огрызаешься, скотина? Втравил меня черт знает во что, а сам…

– Ну скажи, что ты… пела в Париже в кабаре! А теперь вернулась на родину.

– Почему – в Париже?

– Потому что прекрасно говоришь по-французски.

– Я еще и по-итальянски хорошо говорю и по-английски.

– Ладно, пусть будет римское кабаре, если тебе так легче.

– Слушай, ты чего такой злющий? Боишься за меня, да?

– Господи, какая чушь! – искренне возмутился он. – Я действительно кое-чего боюсь, но ты тут ни при чем.

– Чего ты боишься, Венечка?

– Да ерунда все, не бери в голову.

– Ну скажи, а то я буду думать…

– Нет, ты меня достала! Хочешь знать, чего я боюсь? Изволь! Боюсь, что эта лярва будет мучить Андрюху, сбивать с настроения, тянуть одеяло на себя. В Америку мы без нее ездили, и было все отлично.

– Но зачем ей это делать, он же ее муж?

– Ай, боже мой, Буська, нельзя быть такой наивной! Потому что она ревнует, завидует.

– К кому ревнует?

– Да не к кому, а к чему?! К популярности его! Он же знаменитость, а она, как ни тянется, все не дотягивает! Крепкая профессионалка, красивая баба, но настоящей изюминки в ней нет! Он по дури как-то пытается ее толкать, а все

равно, стоит ему выйти на сцену с ней рядом, все смотрят только на него. В нем есть все, а в ней почти ничего. Но он в нее влюблен и… Пока глаза не откроются, так и будет мучиться.

– А они что, в одном театре играют?

– Играли раньше. Потом она ушла и теперь поет в мюзикле, вернее, пела. Кстати, вполне неплохо. Но мюзикл сошел со сцены. Вот она и вцепилась в Андрюху. Знаешь, ты попробуй с ней закорешиться.

– Зачем?

– Ну если у нее появится подружка, может, она меньше будет лезть к Андрюхе.

– Да ну, не стану я с ней корешиться, я ей до пупа. Мы что будем изображать Пата и Паташона? Я с ней даже пошептаться не смогу, мне подпрыгивать надо. И вообще, отвяжись от меня.

– По-моему, это ты ко мне со всякими дурацкими вопросами лезешь.

– Вень, а репетиции у нас еще будут?

– А как же!

– Когда?

– Ну вообще-то когда Гордиенко захочет, а для всех завтра утром на сцене прогоним весь спектакль. – Посиди тут, а я схожу куплю сигарет в дьюти-фри и виски на дорогу. А тебе ничего не надо?

– Нет.

– Тогда сторожи мой кейс. Если его сопрут, гастроли сорвутся! И придется платить бешеную неустойку.

– Иди на фиг! И тащи свой кейс с собой!

– Не вредничай, Буська!

– Черт с тобой, посторожу.

Едва он ушел, как откуда-то возник Златопольский.

– Извините, пожалуйста, я повел себя невежливо. Будем знакомы, Владимир.

– Бронислава. Очень приятно.

– Юрий Митрофанович рассказал мне о вас. Это и вправду ваш дебют?

– Да. Дебют поневоле, – улыбнулась я.

– Юрий Митрофанович очень хорошо о вас отзывается. Да и одно то, что он согласился с вами работать, говорит само за себя. Но вам, наверное, страшно?

– Не то слово!

– А кто вы по профессии?

– Переводчица.

– Книги переводите?

– Нет-нет, я вообще-то синхронист, работаю в крупной фирме…

– И вам это нравится?

– В общем – да.

– Но почему же тогда вам страшно? Ведь эта работа сродни актерской, вы тоже работаете на публике, правда?

– Бывает, да. Но чаще это конфиденциальные переговоры.

– Но все-таки на публике тоже?

– Конечно, и не так уж редко.

– Ну вот! – с некоторым даже торжеством произнес он. – Значит, публики вы не должны бояться. Просто скажите себе, что это ваша работа, только вы будете петь, и все!

– В этом что-то есть, – задумчиво ответила я. – Я попробую!

– Обязательно попробуйте.

– Спасибо!

– Простите, а у вас всегда такая прическа?

– Нет, – засмеялась я. – Просто вдруг захотелось сделать с собой что-то эдакое, а тут такой случай… А почему вы спросили?

– Просто я немножко знаю, как выглядят переводчицы в крупных фирмах.

Какой он очаровательный, – мелькнуло у меня в голове.

– Я смотрю, вы уже нашли общий язык! Это хорошо! – обрадовался Венька.

– У тебя милая кузина!

– Плохих не держим!

– Ох, как хочется солнышка, ребята, я без солнца чахну! – проговорил Златопольский мечтательно. – Вы знаете, что на солнце организм вырабатывает гормон счастья?

Гормон счастья? Хорошо бы… Если уж не счастье, то хоть его гормон. Но солнца в Израиле хватает, неужели там много счастья? А я? Разве я несчастлива? Я не счастлива, а вовсе не несчастна. Вот так! А чего мне не хватает? Любви. По-

моему, я вообще не знаю, что это такое. Мне много раз казалось, что вот она – любовь, но по тому, как быстро я оправлялась от этих чувств, можно сделать вывод – это не было любовью. Или я просто органически к ней неспособна? Так, может, и к лучшему? Любовные страдания – вещь малоприятная. Даже когда просто влюбляешься – а это со мной бывает не так уж редко, – все-таки немножко страдаешь, а если настоящая любовь? Ну ее к бесу! А вот влюбиться не мешает. Последний раз я влюбилась полтора года назад в Женю, но с ним все было так гладко, никаких страданий, никаких сомнений, он так мгновенно приручился и сам приручил Полину, что совершенно естественно эти отношения привели к предложению руки и сердца. Правда, он был женат, но жена жила отдельно, и вообще в другом городе, поэтому на развод и удовлетворение ее имущественных претензий ушло время. Благодаря этому мы еще не женаты. Но заявление уже подано и бракосочетание назначено на пятнадцатое июля. И наверное, надо совершить этот шаг. Он хороший человек, любит Польку, отличный любовник, отнюдь не бедный и даже красивый. Поди кисло? Но вдохновения нет. У меня нет. А с другой стороны… А, ладно, поживем – увидим. А пока… хочется влюбиться. В нашей группе (или в данном случае надо говорить «труппе»?) перспективным в этом смысле мне представляется только Златопольский. В нем масса обаяния, чудные глаза, какая-то внутренняя интеллигентность и тонкость, как мне показалось. И он с такой доброй улыбкой подбадривал меня. Чем черт не шутит?

– Буська, ты о чем так глубоко задумалась?

– А? Что?

– Пошли, посадку объявили!

…Первое, что поразило меня, когда мы вышли из здания аэропорта Бен-Гурион, это запах юга. Теплый воздух и шелест пальм наполнили сердце такой неистовой радостью, что я сама себе не поверила. Встречавший нас пожилой, симпатичный толстячок с гордым именем Оскар посмотрел на меня гораздо внимательнее, чем на всех остальных, и спросил:

– Это и есть Полина Брон?

– Да, – пролепетала я.

– Почему я никогда про вас не слыхал?

– Потому что она жила в Париже и пела там, – подоспел мне на помощь Венька.

– А, ясно! – успокоился Оскар и стал заталкивать в микроавтобус наши вещи, впрочем, заталкивал в основном шофер, а Оскар руководил процессом.

Наконец мы уселись и поехали. Оказалось, что первый раз в Израиле только я и Златопольский, остальные тут уже бывали. Бурная радость первых мгновений сменилась давящим страхом, но когда микроавтобус свернул в улочку, в конце которой нагло синело Средиземное море, и сразу остановился, радость вновь вспыхнула.

– Приехали!

Гостиница «Сити» оказалась очень милой, уютной, и окно моего небольшого номера смотрело на море! А еще в номере стоял маленький электрический чайник, две чашки с блюдцами и коробочка с пакетиками чая, кофе и сахара.

Имелся и телевизор. Но в этом не было ничего необычного. А вот чайник с чашками… Мне сразу стало уютно. И не успела я распаковать вещи, как явился Венька:

– Ну как тебе?

– Здорово! Мне нравится!

– Исключительно удобное место. Три шага до пляжа, и один шаг до оживленной торговой улицы. Отсюда до всего близко. Андрюхина мадам, правда, ворчит, что он звезда и должен жить в пяти звездах. Я сказал, что, если они оплатят разницу, я их мигом туда устрою. Как будто я их в Москве не предупреждал, что гостиница трехзвездочная. Но тут есть все необходимое и даже кипятильник не нужен. Ненавижу эти дешевые понты… ну да фиг с ними. Пошли купаться, Буська!

– Погоди, дай найти купальник.

– Ладно, через десять минут жду тебя внизу. Слушай, а мы с тобой никогда вместе не купались в море!

– Не выдумывай, купались в Эстонии!

– А, правда. Ну это разве море? Холодно, мелко… Брр! И потом, это было так давно, что как бы уже и не было.

Я стала искать купальник, но он, как назло, не попадался. Неужто забыла взять? Нет, я помню, Полька мне его принесла… и сунула во внутренний карман большой сумки. Ура!

Внизу Венька разговаривал со Златопольским.

Тот был уже в шортах и шлепанцах. Какие у него красивые ноги, мелькнуло у меня в голове.

– О, вот и Буська, пошли скорее.

На улице было жарко, но не тяжело.

– Ой, как хорошо!

– Да, но завтра, говорят, будет хамсин, – заметил Венька.

– Хамсин? Что это? – осведомился Златопольский.

– Довольно противная штука. Это, знаешь ли, как в Африке – будто открывают духовку, и оттуда на нас веет… Иногда еще и с песочком… Ну да ничего, тут везде кондиционеры, можно пережить.

– Ладно, посмотрим, может, и не будет никакого хамсина! – легкомысленно воскликнул Златопольский. – Боже, какая прелесть!

Вода в море была теплой, но освежающей, чистой и гладкой, почти без ряби. Венька и Златопольский сразу уплыли к волнорезам, а я плаваю неважно.

Далеко заплывать не решаюсь, но мне и так хорошо. Как же вовремя я себе надоела! Если бы не это гнетущее чувство, я бы ни за что на свете не решилась на такую авантюру! Сердце опять ушло в пятки. Но разве может случиться что-то плохое, когда такое небо и море, а Володя Златопольский так похож на Хью Гранта?

Когда мы возвращались с пляжа, в холле гостиницы нас ждал Гордиенко.

– Броня, я договорился с Оскаром, что он даст нам возможность нелегально порепетировать на сцене, – сообщил он, отводя меня в сторонку.

– Почему – нелегально? – удивилась я.

– Потому что за аренду зала надо платить. А он нам устроит это бесплатно. Только никому не говорите.

– Даже Вене?

– Лучше, чтобы об этом знали только вы, я и Оскар.

– Но что я скажу Веньке?

– Что я пригласил вас ужинать. Одну, – усмехнулся он и подмигнул мне. – Кстати, это соответствует действительности. После репетиции я приглашаю вас поужинать. Значит, через полтора часа жду вас здесь. Договорились?

– Конечно!

Гордиенко, пряча усмешку, ушел.

– Ну что? – спросил Венька.

– Юрий Митрофанович пригласил меня поужинать.

– Ничего себе, не успел еще отряхнуть московский прах, как уже пошел по бабам! – засмеялся Венька. – Я сразу просек, что он к тебе неровно дышит.

Златопольский как-то загадочно улыбнулся. Честно говоря, я бы с большим удовольствием пошла ужинать с ним, но он меня не приглашал. К тому же предстояла репетиция на сцене, тут вообще не до ужинов. Гордиенко сказал, что покажет мне основные мизансцены, и от этого профессионального слова у меня по спине побежали мурашки.

Ровно через полтора часа я спустилась в холл. Гордиенко уже ждал. Он снова подмигнул мне, взял под руку, и мы направились к выходу. В дверях мы столкнулись с Ларисой, явно возвращавшейся с пляжа. На «мини-бикини» была накинута лиловая сетчатая хламидка, последний писк пляжной моды. Надо бы и мне такую… Выглядела Лариса сногсшибательно.

– Какая красивая! – вырвалось у меня.

– Бесспорно! – ответил Гордиенко. – Но ее беда в том, что она об этом знает.

– А куда мы идем?

– Оскар ждет нас в машине за углом, – таинственным шепотом ответил Гордиенко.

– Юрий Митрофанович, зачем такая таинственность?

– Надо!

Действительно, Оскар ждал нас в сером «рено».

– Полина, вы впервые в Израиле? – с ходу спросил он.

Я даже не сразу сообразила, что это он ко мне обращается.

– А, да, впервые!

– Ой, я вам даже немножко завидую, вы сможете ловить кайф от этой страны.

– А вы его уже не ловите?

– Только иногда. А вообще… Я тут уже двадцать лет, у меня был дом на территориях, своими руками построил, а потом тот кусок земли отдали палестинцам. А теперь хотят еще чего-то отдать, скоро от страны останется носовой платочек, чтобы утирать слезы радости этим сволочам! Хотя вам это ни на фиг не надо знать. Смотрите лучше по сторонам, хотя уже темно и ни черта не видно. Но едем мы в Ришон, там ваше первое выступление.

– Что это – Ришон? – робко спросила я, немного подавленная его агрессивной скорбью.

– Ришон-ле-Цион – с одной стороны город, с другой стороны пригород Тель-Авива. Большой Тель-Авив! Как будто тут есть что-нибудь большое, в этой маленькой стране. Хотя нет, у нас большое сердце, душа и все такое прочее, не бойтесь!

Он вдруг затормозил, выскочил из машины, обнялся с каким-то прохожим.

– Бронечка, на всякий случай предупреждаю, у него дочка три года назад погибла, когда взорвали дискотеку на набережной. Помните?

– Смутно.

– Я вам покажу это место, не так далеко от нашей гостиницы. Там погибли в основном дети из России. Ужасная трагедия.

– Господи, несчастный человек… – содрогнулась я.

– Да уж, врагу не пожелаешь…

Но тут вернулся Оскар:

– Прошу прощения, встретил двоюродного брата, не виделись целый год. Крутишься, как белка в колесе.

Зал показался мне до ужаса громадным, правда, там было совсем темно, даже, я бы сказала, черно. Только сцена была слегка освещена.

– Господа хорошие, вам на все про все сорок минут, – предупредил Оскар.

– Ну, Бронечка, поехали?

Оскар сидел в первом ряду. Меня мутило.

– Броня, бояться нельзя! Значит, так, вы выходите отсюда, справа, так и мне будет удобнее, и вам. Отступать, между прочим, некуда, позади Москва! А впереди, кстати, новая жизнь!

О, как он правильно меня понял! Новая жизнь – магические слова! И я, набравшись наглости, впервые выскочила на сцену. Сказала первые свои реплики и запела. Я пою а капелла все, кроме финальной песни, которая идет под магнитофонную запись оркестровой партии. Но до конца спектакля еще надо дожить. А Юрий Митрофанович вдруг заиграл совсем иначе, чем играл у себя дома. Он все уходил от меня, и мне приходилось бегать за ним и даже подпрыгивать, потому что он намного выше меня, и еще он включил в себе, как я назвала это потом, секс-кнопку, и я мгновенно это ощутила и, как ни дико это звучит, отреагировала. И почти влюбилась в него. Но это я поняла значительно позже, а пока просто «жила в предлагаемых обстоятельствах», но мне уже было хорошо и нестрашно. И вот наконец финальная песня, которую мы поем вместе. И только тут я сообразила, что Гордиенко ни разу не остановил меня, не сделал ни одного замечания, и мы просто сыграли спектакль в черном зале для одного-единственного, но все-таки зрителя. И когда все кончилось, этот зритель захлопал в ладоши, да с таким энтузиазмом!

– Браво! Браво! – закричал он и полез на сцену. – Юрий Митрофанович, Полина! Блеск! Я от вашего голоса просто сомлел! Вы не актриса, да? Но это просто здорово! Можно я вас расцелую? Юрий Митрофанович, нет слов, что значит мастер! Ай, какой мастер!

– Ну, Броня, поздравляю, это было боевое крещение! – поцеловал мне руку Гордиенко.

– Господа, пора сматываться, куда вас отвезти? В отель?

– Нет, в хороший ресторан недалеко от отеля, – распорядился Гордиенко.

Уже в машине Оскар спросил:

– Извините, конечно, но я не понял, вас как зовут? Полина?

– Нет, вообще-то Бронислава, Полина – псевдоним.

– А!

Гордиенко сидел рядом с Оскаром, а я сзади. Они о чем-то говорили, а я сидела как пыльным мешком прихлопнутая. Я сыграла спектакль! И мне аплодировали! И какая, в конце концов, разница, сколько в зале зрителей? Если сыграла перед одним, сыграю и перед многими, тем более что у меня такой партнер! Он просто не даст мне провалиться! Главное – открыть рот и запеть на сцене – я уже сделала!

Оскар привез нас к ресторану в двух шагах от отеля. Ресторан был рыбный, небольшой, но, кажется, достаточно изысканный. Во всяком случае, там было тихо, прохладно и немыслимой красоты официант поставил перед нами по маленькому стаканчику густой белой жидкости.

– Что это? – спросила я по-английски.

– Это от шеф-повара, горячий сок батата.

– Как интересно! – воскликнул Гордиенко и отпил. – Вкусно, Бронечка.

Это действительно оказалось очень вкусно. И необычно. Впрочем, сейчас в моей жизни все было необычно.

– Броня, ну что ж, вы просто молодчина. Заметили, что я играл по-другому, и откликнулись, пошли за партнером. И у вас замечательно получились эти прыжки и пробежки! Просто здорово. Смешно жутко! Зафиксируйте обязательно.

– Юрий Митрофанович…

– Бронечка, не забывайте, что это все игра, и только, – мягко заметил он.

…Я думала, что не усну ни на минутку, а задрыхла самым бессовестным образом, как будто мне не предстояло завтра впервые в жизни выйти перед залом…

Проснулась совсем рано. Море за окном было еще бесцветным. Я решила искупаться до завтрака, одна. Внизу никого не было, даже портье. Как здорово, что мы живем так близко от моря. На пляже было пустынно, только вдалеке занимался гимнастикой какой-то дядька, вокруг которого носилась собака. Лежаки еще громоздились высокими штабелями, песок был холодный. Я повесила сумку на заборчик, огораживающий вполне допотопную вышку спасателей, где пока никого не было. Хоть я не слишком хорошо плаваю, но воды не боюсь, наоборот, она доставляет мне невероятное удовольствие. Вода оказалась теплая, несмотря на ранний час, и я засмеялась от радости. Если бы еще совсем недавно мне кто-то сказал, что я приеду на гастроли в Израиль, я бы только покрутила пальцем у виска, а теперь это реальность, и вечером я выйду на сцену… После вчерашнего это не казалось мне уже таким неизбывным ужасом, я поняла, что не пропаду с Гордиенко. А он-то каков! Я вчера с первой минуты на сцене в него влюбилась, и потом, в ресторане… А он сказал, что это только игра… Я прислушалась к себе: влюблена ли я в него? Ничуточки, как оказалось. Я просто сыграла с ним вместе эту влюбленность, потому что он хорошо знает, что делает. А вот Венька, наверное, так не смог бы. Но он и моложе Гордиенко насколько… Мне стало так легко при мысли, что я не влюблена в женатого и сильно немолодого Гордиенко, и я сразу вспомнила загорелые, стройные ноги Златопольского.

– Буська! – раздалось с берега. – Вода теплая?

– Очень!

Венька подплыл ко мне, отфыркался и, хлопнув ладонью по воде, обрызгал меня.

– Фу, дурак!

– Ну привет, кузина, как вчера сходили в ресторанчик?

– Клево!

– Что наш Митрофаныч?

– Улет!

– Ухаживает?

– Нет.

– Ладно врать-то! Он ни одной юбки не пропускает!

– Так я же в брюках!

– Ладно, поскольку ты все-таки мне родственница и выручила меня, я не стану говорить, что ты дура.

– Да и сказал бы, я бы не обиделась, потому что только полная, законченная идиотка могла согласиться на такую авантюру!

– Знаешь, у тебя в глазах нет паники… Странно, раньше она была, еще какая… Признайся, Буська, ты переспала с Митрофанычем?

– Какая пошлая идея!

– И все-таки?

– Полькой клянусь!

– Странно, я же вижу, он явно положил на тебя глаз.

На это я отвечать не стала. Не буду же я рассказывать, что Гордиенко вчера слегка дал мне по носу, объяснив, что это всего лишь игра. А я не обиделась, а только обрадовалась, но, кажется, не подала виду.

Венька дважды доплыл до волнореза и обратно.

– Буська, давай научу тебя нормально плавать. Ты неправильно дышишь. Научишься правильно дышать, сразу сможешь дальше плавать.

– Научи!

– Обязательно, только не сейчас. Умираю с голоду.

Когда мы уже уходили с пляжа, навстречу нам попался Дружинин, небритый, мрачный, весь какой-то не выспавшийся. Он молча поднял руку в знак приветствия и поспешил к воде.

– Какой противный!

– Да нет, он хороший парень, просто встал рано. Это мы с тобой жаворонки, а он сова.

– По-моему, актер по определению не может быть жаворонком. Вы же никогда рано не ложитесь.

– Нет, но я встаю все равно рано. Мне достаточно пяти часов сна.

…И вот это свершилось! Мы сыграли свой спектакль, и успех был явным и несомненным. Правда, за час до начала Гордиенко, пошептавшись с Венькой и Оскаром, объявил, что мы играем нашу пьеску первыми. Потом он объяснил, что боялся, как бы я не перегорела. И, по-видимому, был прав. В дальнейшем мы будем играть последними, как предполагалось с самого начала. Рассказать, что я почувствовала, пока играла и когда выходила на аплодисменты, не могу. Просто не помню, это как будто происходило не со мной.

– Буська, я уже позвонил Польке, – шепнул мне Венька. – Ты просто молодчина, я не ошибся в тебе, сестренка!

Меня трясло, и он влил мне в рот немножко коньяку из фляжки Гордиенко. Потом мы с Юрием Митрофановичем тихонько вышли в зал посмотреть спектакль. Ах, как была хороша Барышева в чеховской «Драме»! Она ничем не напоминала Раневскую, была куда более простонародной и от неожиданности этого хода немыслимо смешной. Я заливалась хохотом, впрочем, может, это

было на нервной почве. Златопольский читал рассказы Жванецкого на удивление изящно, не подражая автору, в какой-то совсем иной манере. Здорово. Последними на сцену вышли Дружинины. Сначала появилась Лариса, и публика ахнула – до того она была хороша. Потом появился Андрей. Куда девался мрачный, небритый тип? Он излучал обаяние и играл настолько естественно, забавно и заразительно – они исполняли смешной водевиль девятнадцатого века, приспособленный к нашему времени, – что постепенно все стали следить только за ним и стало видно, что он невозможно красив, а ее красота на сцене поблекла.

– Обратила внимание, никакой халтуры! – с гордостью прошептал Венька.

После спектакля был устроен легкий фуршет, все перекусили, слегка выпили и погрузились в микроавтобус, чтобы ехать в отель. На следующий день мы должны были играть в Ашдоде. Утром я опять пошла купаться и столкнулась внизу с Ларисой. Она была в коротеньких красных шортах и красной маечке. На ногах кроссовки.

– Привет, ты куда? – осведомилась она.

– Купаться, а ты?

– На пробежку! Ну пока!

И она унеслась в сторону набережной.

Потом из воды я видела, как она бежит – красиво и мощно. На обратном пути она меня догнала:

– Как вода?

– Теплая. А ты не купаешься?

– Потом! Я загорать люблю. А ты здорово поешь, я даже не ожидала. Только ты не профи, да?

– Нет, конечно!

– Сразу видно, но все равно здорово!

– Спасибо, мне приятно…

– А давай потом по магазинчикам прошвырнемся? Шмотки тут не ахти, но цацки можно купить недорого. Ты как насчет цацек?

– Нормально. С удовольствием пойду!

– Вот клево, после завтрака и пойдем, часика полтора пошастаем, а потом на пляж. Идет?

– Идет! – с радостью согласилась я.

Обещанного Венькой арбуза не было. Только очищенные и нарезанные красные грейпфруты. Но зато какая тут имелась селедка! Жирненькая, несоленая и розовая. Я была голодна как зверь и сделала себе два больших бутерброда – ноздрястый серый хлеб, масло, селедка, а сверху крутое яйцо. Не бутерброд – мечта. А еще я взяла два куска очень аппетитного кекса и грейпфрут. И тут появился Венька:

– Привет, и ты собираешься все это сожрать, Буська?

– Сожру, будь уверен.

– Разжиреешь!

– Не твоя забота!

– Как это – не моя? Ты в моей труппе! – Ион схватил один из бутербродов.

– Отдай!

– Обкусанный?

– Подавись, я еще сделаю! Ты мне обещал арбуз, а где он? Нету.

– Значит, ты селедку с яйцом жрешь вместо арбуза?

– Вот именно!

– Черт с тобой, жри что хочешь. Ты такая молодчина, что лишние килограммы я тебе прощаю заранее. Слушай, а сделай еще таких бутербродов, мне бы в голову такая прелесть не пришла. Купаться пойдешь?

– Уже купалась, а потом мы с Ларисой договорились прошвырнуться по магазинчикам.

– С Ларисой? Ты же говорила, что рядом вы будете как Пат и Паташон.

– Ничего. Как-нибудь. Она нормальная.

– Первый раз такое слышу. Скажи, Андрюха тебе вчера понравился?

– О да!

– А вообще как ты себя ощущаешь в новом качестве, а?

– Хорошо, но это не моя заслуга, а Гордиенко. Он все делает.

– Ну поешь, положим, ты сама… И я, кстати, слышал очень одобрительные отзывы.

– Обо мне?

– О тебе, дурища.

В этот момент появился Златопольский. Обворожительно улыбнулся:

– Привет, можно к вам подсесть?

– Садись, – разрешил Венька.

– А что это вы тут едите?

Вскоре и он уже с восторгом уплетал бутерброды с селедкой и яйцом. Ах, как он мне нравился! У него были кроме всего прочего такие изящные манеры! И обволакивающий голос…

– Броня, у вас дивный голос… Почему вы не стали певицей?

Я не успела ответить, как к нам присоединился Юрий Митрофанович и, разумеется, тоже польстился на бутерброды с селедкой. И все трое моих соседей по столу говорили, как хорошо я пела.

После завтрака мы вчетвером вышли на крохотную терраску покурить.

И столкнулись с Дружининими.

– Ты уже поела? – спросила Лариса, а Андрей хмуро кивнул. – Тогда подожди меня, ладно? Я быстро.

Мы вышли на улицу Бен-Йегуды. И не спеша пошли по тенистой стороне, прилипая к витринам.

– Ты за границей часто бываешь? – спросила Лариса.

– Довольно часто, по работе приходится.

– Я тоже часто. Обожаю по магазинчикам прошвырнуться, в Москве некогда. Я тут уже была в позапрошлом году и помню как раз на этой улице одну лавчонку, даже не лавчонку, а заныр, там старуха торговала, недалеко. Я у нее тогда старинные бирюзовые серьги буквально за копейки купила.

– А браслеты у нее были?

– Какие?

– Понимаешь, мне кажется, к такой прическе нужны всякие тяжелые серебряные браслеты, чем больше, тем лучше.

Она смерила меня оценивающим взглядом и улыбнулась:

– Сечешь! Ой, вот эта лавка! Точно. Но тут закрыто!

– Наверное, еще рано, – предположила я.

– Может быть. Ладно, на обратном пути зайдем.

– Ларис, а ты в каком театре?

– Сейчас ни в каком. Раньше с Андрюшкой вместе играли, потом меня пригласили в один мюзикл. Там у меня пошло, но сборы были неважные, и мюзикл накрылся. А обратно в театр не берут. Но мне не больно и надо, все равно я там почти ничего не играла, так, при Андрюшке… а я хочу сама, понимаешь?

– Вполне.

– А ты теперь работу бросишь или уже бросила?

– Боже упаси! Это так, авантюра в отпуске. Я даже внешность изменила. Чтоб не узнал кто-нибудь. Иначе меня турнут.

– Ты замужем?

– Нет, в разводе. Но у меня дочке двенадцать лет и…

– Послушай, Полина…

– Лар, я не Полина, я Бронислава. Полина – это моя дочка.

– Да? А на фига ты псевдоним взяла? Тоже для конспирации, что ли?

– Конечно!

– Ну ты даешь! Слушай, а мужик у тебя есть?

– Есть!

– Он в курсе?

– Нет. Он не поймет.

– Да они все ничего никогда не понимают, козлы. Да, кстати, я…

Она не успела закончить фразу. К ней кинулся высокий, широкоплечий мужчина в белых брюках и белом пуловере на голое тело. Лицо его показалось мне знакомым. Они обнялись.

– Ларчик, какими судьбами? – восклицал он, излишне крепко, на мой взгляд, прижимая ее к себе. – Вкалываешь или отдыхаешь?

– Вкалываю, – вздохнула она. – Вот познакомься, Сергуня, это моя подруга Броня.

– Шолом! – почему-то сказал он, глядя на меня с высоты своего гренадерского роста. – Манишма??

– Что? – обалдела я.

– А вы что, иврита не знаете?

– Извините, нет.

Лариса согнулась пополам от хохота:

– Ты решил, что она местная?

– Честно говоря, да. Я тут уже две недели и немножко наблатыкался на иврите.

– А я еще не наблатыкалась! – заявила я.

– А вы кто?

– В каком смысле?

– Броня – певица. Классная. Приходи к нам на спектакль, оценишь.

У меня внутри все растаяло. Про меня говорят, что я певица! Классная! Причем Лариса ведь и сама поет… Да она просто отличная баба! Что бы там ни говорил Венька. Он, наверное, подкатывался к ней и получил по носу. Вот и выдумывает невесть что… Или у них что-то было? Впрочем, какая разница.

– Не уверен, что смогу, мы и сами почти каждый вечер играем! А твой-то красаве?ц тоже тут?

– Конечно.

– Жалко.

– Сергунь!

– Да я пошутил! Ларчик, а можно тебя на два слова, извините, девушка!

Он отвел ее в сторонку и стал что-то нашептывать.

– Броня, извини, – подошла ко мне Лариса. – Слушай, у меня к тебе просьба.

– Да.

– Не надо говорить Андрею, что я… ну что мы встретили его, ладно?

– Хорошо, – пожала я плечами. Ее Андрею и захочешь что-то сказать, так сто раз подумаешь.

– Он ревнивый как… А с Серегой у меня еще до Андрея было… Словом, сама понимаешь.

– Без проблем!

Мы еще побродили и вернулись к той же ювелирной лавчонке. Она по-прежнему была закрыта.

– Облом! – вздохнула Лариса. – Скорее всего, старушка отдала богу душу, а замены не нашлось. Знаешь, тут многое переменилось. На набережной у фонтана было отличное кафе. А теперь нету. Разорились, наверное, кризис у них.

– А я слышала вчера, Оскар говорил, что кризис уже кончился.

– Правда? Я пока не заметила, но дай им Бог, как говорится.

Мы сыграли уже четыре спектакля, и наутро я проснулась с ощущением счастья, которое тут же скукожилось. Вот те на! Моря практически не видно из-за густой, желтоватой дымки. Из окна веет горячим паром. Хамсин! Нам его предрекали с первого дня, а его все не было. Я закрыла окно, включила кондиционер. Зазвонил телефон.

– Буська, зайди ко мне, я умираю! – прошелестел Венька.

– Что? – испугалась я.

– Хамсин, черт бы его взял! Зайди, прошу!

Вид у него был несчастный. Хотелось пожалеть, приласкать, но как-то не верилось, что у еще молодого, полного сил мужика может быть такая реакция на погодные неурядицы.

– Что с тобой?

– Голова раскалывается, и сердце давит.

– Врача вызвать?

– Нет, что ты… Просто, Бусечка, будь другом, сделай мне массаж, помнишь, ты делала года два назад. Виски и шею… Мне так тогда помогло!

Он смотрел на меня умоляющими, несчастными глазами.

– Так и быть, хотя не понимаю, почему ты не попросил свою даму.

– Какую даму? О чем ты?

– Да вот… – Я подняла с полу довольно безвкусную заколку для волос. – А в ванной бутылка из-под водки. Следы ночного гульбища налицо. Тебе опохмелиться надо!

– Думаешь? – простонал он.

– Уверена… И хамсин тут ни при чем.

– А массаж?

– Перетопчешься.

– Тогда дай чего-нибудь выпить.

– Где я тебе возьму?

– Бусечка, помоги!

– Ладно, попрошу у Гордиенко.

– Нет, только не это!

– Почему?

– Буська, но я же руководитель группы… Неудобно. Умоляю!

– Где я тебе с утра раздобуду выпивку, если не у наших?

– О, знаю! Я сейчас закажу в ресторане. Только все равно заказывать придется тебе, я ж плохо говорю по-английски.

– А на иврите еще не наблатыкался?

– Наблатыкался? Это еще что за словечко? Кошмар какой-то! Звони, Буська, не медли, бога ради!

Я позвонила и заказала ему спиртное.

– И почему я вечно должна расхлебывать твои делишки? Помнишь, как ты спьяну назначил свидание моей подружке, а потом звонил и умолял меня отмазать тебя, ты забыл, что в этот вечер футбол по телевизору. А девушка-то уже губы раскатала, бедняжка. И ведь я ее предупреждала, чтобы она ни одному твоему слову не верила…

– Вероятно, такова сила моего обаяния.

– Нет, сила ее идиотизма. На тебе же аршинными буквами написано: чудовищный бабник!

– Не выдумывай, я не бабник! Ну или пассивный разве что… Я иногда сижу себе, никого не трогаю, а они лезут… Помнишь, у меня, когда Франтик был…

– Помню Франтика, чудный был пес.

– Чудный-то чудный, но уж если учует где течную суку, так его ничем не удержишь, с поводка срывался, из дому удирал, скотина.

– Ты это к чему?

– Просто вспомнил его в связи с одной… У нас на бульваре тогда ходила одна с борзой. Ох, как она меня доставала… Я от нее бегал…

– Ты сейчас всех своих баб вспоминать будешь? Или только тех, от которых бегал? Кстати, ты от той борзой убежал или тебя все-таки настигли?

– Настигли… – тяжело вздохнул он. – Но потом я, к счастью, уехал на гастроли. Слушай, Буська, а мне легче стало! Ты, как всегда, меня спасла.

– Это коньяк. Ладно, я пошла завтракать!

– Я тоже сейчас спущусь. Ты мне там сделай два бутерброда с селедкой. Хотя вообще-то я бы предпочел сейчас тарелку щей.

– Да?

– Да! А ты хочешь сказать, что можешь мне и это обеспечить?

– Вообще-то конечно, но не сегодня.

– Как?

– Объясняю! Ты трахаешь местное население не в гостинице, а на дому. Но заранее оговариваешь, что на завтрак тебе нужны щи. Думаю, любая эмигрантка из СНГ сварит тебе целую бадью.

– Дура ты, Буська, но рациональное зерно в этом есть.

За завтраком собралась вся наша труппа. И говорили только о хамсине.

– Мне горничная сказала, что к вечеру он должен сломаться, – поведал собравшимся Златопольский.

– Дай-то бог, – вздохнула Барышева, – просто ни на что нет сил. Я хотела сегодня пробежаться по магазинам, и вот на тебе. Носа не высунешь. Интересно, а в

хамсин хоть кто-то придет на спектакль?

– Придут, куда денутся, билеты-то уже проданы, – заметил Гордиенко. – И к тому же народ тут привычный, работают все… А после работы с кайфом пойдут в театр. Не у всех дома есть кондиционеры.

– Но к вечеру, может, хамсин и вправду сломается, – пролепетала Барышева.

В какой-то момент Лариса шепнула мне:

– Броня, выручи меня!

– С удовольствием, но как?

– Предложи куда-нибудь пойти!

– В такую жару?

– Да! Скажи: пойдем на Дизенгофф! Это недалеко, и там кондишн.

Я уже знала, что речь идет о торговом центре.

– И что дальше?

– Бронечка, это очень важно для меня, будь человеком, помоги. Часик-полтора походишь по магазину, посидишь в кафе, там вполне цивильно. А потом я тебя заберу. Ну пожалуйста.

Мне это не очень понравилось, но отказать в таком деле было неловко.

– Ты не думай, что я на блядки! – заявила по дороге Лариса.

– А куда же? – удивилась я.

– Понимаешь, меня Серега хочет познакомить с одним продюсером… Андрей тогда увяжется со мной, а это ни к чему.

Я не поверила ни одному ее слову. Но, в конце концов, какое мне дело?

Она довела меня до большого современного торгового центра, где на входе у нас проверили содержимое сумочек. Лариса уверенно довела меня до кафе на первом этаже:

– Сейчас пол-одиннадцатого. Полпервого жди меня на этом месте. Договорились?

– Ладно.

Она умчалась, сияя радостью и красотой, а я пошла бродить по кондиционированным холлам и бутикам. Но мне это быстро надоело и почему-то ничего не нравилось. Потом забрела в отдел парфюмерии и стала от нечего делать нюхать духи. Вдруг кто-то положил руку мне на плечо. Я испуганно обернулась и похолодела. Передо мной стоял Андрей. Небритый, мрачный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ekaterina-vilmont/gormon-schast-ya-i-prochie-gluposti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить